

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

РАСКОПКИ ТАВРСКОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА В 1945 ГОДУ

Раскопки таврского некрополя были предприняты в связи с просьбой Государственного Исторического музея о предоставлении ему черепа из таврского некрополя для реконструкции головы тавра. За черепом специально приехал старший научный сотрудник ГИМ'а Н. В. Пятышева. Вследствие уничтожения черепов в фондах музея в период немецкой оккупации Государственный Херсонесский музей не мог удовлетворить ее просьбу, однако, идя навстречу ГИМ'у, предоставил в распоряжение Н. В. Пятышевой несколько рабочих с тем, чтобы она сама могла путем раскопок получить необходимый материал.

Работы велись с 8 по 13 октября 1945 г. под руководством Н. В. Пятышевой и с 17 по 22 под руководством С. Ф. Стржелецкого. В итоге за двенадцать дней было исследовано восемь погребений. В работах принимали участие сотрудники музея: реставратор О. Л. Склиренко, научный сотрудник М. С. Рыбальченко и фотограф А. М. Михайлова. Обмеры выполнены мною с помощью этих товарищей.

Первоначально мною был указан в качестве места для раскопок некрополь под IX поперечной улицей около бывшей монастырской купальни, между участками некрополя, открытыми Лепером в 1912 году, с северо-восточной стороны улицы и Г. Д. Беловым в 1936 году с юго-западной стороны этой же улицы. Последняя осталась нераскопанной и на выбранном нами участке безусловно должна была содержать нерасследованные погребения таврского некрополя.

Одновременно Государственный Херсонесский музей наметил ряд задач, не решенных предшествующими раскопками, которые могли быть решены попутно и которые представляли для музея значительный интерес: 1) попытка обнаружения могильных обрезов и раскопка могил по этим обрезам; 2) установление датировки (культурного) слоя некрополя, в котором совершались погребения; 3) обнаружение наружной стороны стен эллинистического дома с экседрой раскопок 1936—38 гг., примыкавшего к этой улице; 4) обнаружение стен дома эллинистического квартала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (1889 г.) и Лепера (1912 г.) с противоположной стороны улицы.

К сожалению, темпы работ по предварительному удалению „тачка“ раскопок 1940 и 1941 гг., частично засыпанного IX улицу, уже через два дня заставили отказаться от решения этих интереснейших задач. 10 октября работы были перенесены на соседний участок, на самый обрыв берега, где после обвала стены рыбозасолочной цистерны первых веков н. э., мною в 1939 году были обнаружены кости двух погребений в обресе некрополя, не исследованного

Косцюшко-Валюжиничем. Раскоп площадью $4,5 \times 2,5$ м заложен с расчетом охвата обоих погребений, обнаруженных в обресе, и почти целиком размещен в северо-западном конце средневекового помещения № 33 раскопок 1889 г. Стены этого помещения, как и большинство стен этой эпохи, уничтожены здесь полностью. В связи с переходом на новый участок, от решения двух последних задач, указанных выше, пришлось отказаться.

* * *

За три дня был удален весь завал с площади раскопа до уровня не тронутых в 1889 г. слоев. Дальнейшие работы показали, что этот слой некрополя, покрытый сверху глинобитной прослойкой у северо-восточной стороны раскопа, — вероятно, пол помещения эллинистической эпохи. Высота пола над скалой 0,30—0,33 м, толщина — 0,05—0,07 м. В восточном углу раскопа до материковой скалы была зачищена большая позднесредневековая яма. Слой некрополя и погребения на ее площади уничтожены полностью. Вдоль северо-восточной стороны раскопа выявилась стена из крупных камней на скале, сложенная на глине. К этой стене примыкал глинобитный пол (?), сохранившийся подле нее. В юго-западной половине раскопа был снят верхний слой некрополя. При этом были зачищены погребения № 1 и № 2 и обнаружен череп погребения № 6. Последнее заставило сделать небольшую прирезку площадью $1,40 \times 1,10$ м в направлении предполагаемого расположения костяка. Прирезка оказалась ограниченной: с севера — южной стеной рыбозасолочной цистерны, с юга — средневековой ямой (второй) и с запада — обрывом скалы. Был удален завал над слоем некрополя этого участка. На этом работы были приостановлены вследствие отъезда Н. В. Пяташевой в Москву.

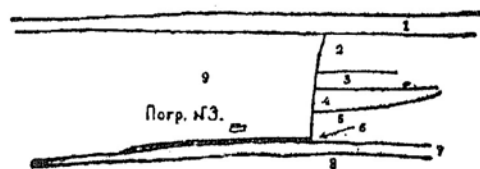

Рис. 1. Схема стратиграфии СЗ обреза средневековой ямы:

- 1—глинобитный пол эллинистической (?) эпохи;
- 2—золистая земля с угольками и черепками;
- 3—слой светложелтой глины с черепками;
- 4—то же, что и 3;
- 5—обычная культурная насыпь некрополя коричневого цвета;
- 6—подсыпка из золы и угля;
- 7—материковая глина;
- 8—материковая скала;
- 9—то же, что и 5.

Однако, не считая возможным оставить неисследованным вскрытый участок некрополя, я снова, после окончания работ по уборке городища, приступил к работе. Прежде всего были зачищены обресты некрополя вдоль стен рыбозасолочной ванны и позднесредневековой ямы в восточном углу. Высота обреза позднесредневековой ямы с северо-западной стороны на разных участках колеблется от 0,20 до 0,35 м (рис. 1). Насыпь некро-

поля дает три основных слоя: 1-й — наскальный слой материковой глины желто-коричневого цвета с наличием мелких и редких фрагментов керамики и древесных угольков. Толщина слоя колеблется в пределах от 0,00 до 0,05 м. 2-й слой на всем протяжении обреза четко прослеживается тонкой прослойкой угля и цепа, смешанных с землей. Цвет

слоя от интенсивно черного до серо-пепельного, в зависимости от количества угля, пепла и примеси земли. Толщина слоя от 0,01 до 0,04 м; 3-й слой, расположенный поверх второго, идет почти всюду сплошной однообразной массой и является, собственно, насыпью некрополя, в которой производились погребения и которой засыпаны могильные ямы. Цвет слоя грязнокоричневый с сероватым оттенком. Толщина от 0,20 до 0,30 м. Слой состоит из земли со значительным количеством черепков и мелких камней. Верхняя часть насыпи некрополя на неизвестную высоту, повидимому, уничтожена (?) в древности. В северо-западном конце обреза насыпь некрополя перекрывается утрамбованным глинобитным полом (?), примыкающим к стене. В этом же конце обреза наблюдается нарушение описанной стратиграфии насыпи. На расстоянии 0,4 м от стены четко прослежен вертикальный обрез от подошвы глинобитного пола до верхнего горизонта 1-го слоя—материковой глины. Здесь резко обрываются второй и третий слои. Между стеной и обрезом стратиграфия отлична от описанной, обычной в остальных случаях. На первом слое—материковой глине—лежит непосредственно третий слой, над ним—выклинившийся слой с угольками и черепками. Выше слой светложелтого цвета материковой глины с черепками и, наконец, слой, аналогичный лежащему под предыдущим. Слева от вертикального обреза на высоте 0,03 м от 2-го слоя обнаружена нижняя челюсть человека. Вертикальный обрез, угольно-золистая насыпка (2-й слой) и челюсть позволили предположить наличие могилы и погребения, что и было подтверждено дальнейшими работами при зачистке погребения № 3. Кости у западного угла ямы на такой же подсыпке принадлежали погребению № 4.

Высота вертикального обреза ямы с юго-западной стороны (рис. 2) от 0,20 до 0,25 м. На протяжении 0,6 м от западного угла ямы, непосредственно на скале лежал тонкий слой угольно-пепельной подсыпки толщиной 0,02—0,03 м. Над ним—насыпь некрополя (3-й слой) толщиной 0,20 м. Его перекрывает еще раз слой угольно-пепельной подсыпки, на которой лежал костяк погребения № 2. Четвертый слой, перекрывающий это погребение, удаленный в предыдущие дни, достигал 0,15 м. В юго-восточной половине обреза слой нижней подсыпки угля и золы был резко смещен вверх и лежал на слое материковой глины толщиной 0,02—0,04 м. Выше—порядок наслоения тот же. Выше несомненно искусственного разрыва угольной прослойки линию вертикального обреза по зрительному впечатлению установить не удалось вследствие аморфной структуры насыпи некрополя. Однако, на осзание, культурное напластование справа от нанесенной на схеме пунктирной линии, как будто было рыхлей, чем слева. Указанное обстоятельство, наряду с разрывом угольной подсыпки скалы, позволило предположить наличие могилы и погребения под № 2, что и подтвердилось дальнейшими работами. Толщина насыпи обреза, вдоль восточной стенки рыбозасолочной ванны (рис. 3) от 0,20 до 0,40 м. Некоторое утолщение насыпи определяется наклоном скалы к обрыву, в сторону моря. С северной стороны обреза

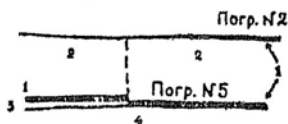

Рис. 2. Схема стратиграфии ЮЗ обреза средневековой ямы: 1—подсыпка из золы и угля; 2—обычная культурная насыпь некрополя; 3—материковая глина со слабой насыщенностью культурных остатков; 4—скала.

ограничен стеной эллинистической эпохи, с южной— углом цистерны. Горизонт подстилающей материковой скалы ровный, местами с выступами или углублениями. Соответственно наклону скалы к морю углубляется 1-й подстилающий слой материковой глины со щебенкой. Подсыпка угля и золы (2-й слой) сохранила горизонт, соответственный залеганию скалы дальше от края обрыва, соответственно горизонту подошв могил. Как уже указывалось и, как видно по

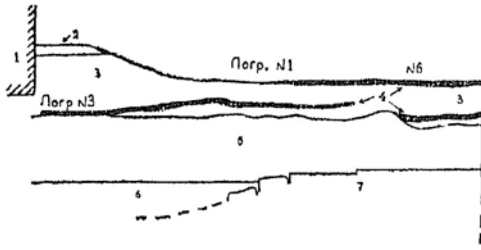

Рис. 3. Схема стратиграфии вдоль восточной стенки рыбозасолочной ванны:

1—кладка эллинистической (?) стены; 2—глинобитный пол эллинистической (?) эпохи; 3—обычная культурная насыпь некрополя; 4—подсыпка из золы и угля; 5—материковая скала; 6—осыпь под обрывом; 7—стена рыбозасолочной ванны.

ной 0,03—0,05 м, слой подсыпки угля и непла—0,01—0,03 м и слой насыпи некрополя (3-й слой) толщиной около 0,30 м. В данном случае слой угольно-пепельной подсыпки оказался связанным с обнаруженными на нем костями ступней ног двух погребений.

Зачистка по горизонту, по плоскости насыпи некрополя, не дала возможности установить обрывов могил даже над безусловно определенными погребениями в вертикальных обрывах. Указанное обстоятельство объясняется бесструктурным характером насыпи, представляющей намывную культурный слой. Тем более важны результаты зачисток вертикальных обрывов, которыми обнаружены пять погребений, дополнительно к трем зачищенным ранее и обнаруженным случайно в ходе работы¹. Наблюдения над обрезами устано-

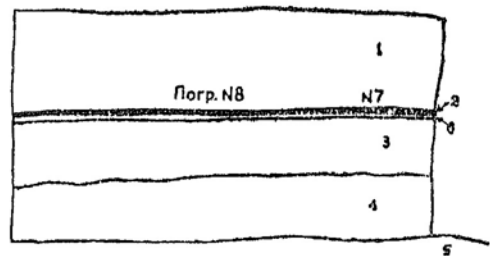

Рис. 4. Схема стратиграфии вдоль южной стенки рыбозасолочной ванны:

1—обычная культурная насыпь некрополя; 2—подсыпка из золы и угля; 3—материковая скала; 4—стена рыбозасолочной ванны; 5—осыпь под обрывом; 6—материковая глина.

¹ Этот метод применен мною благодаря практике на песчаном грунте архаического некрополя Тамани. В этом грунте обрывы могил устанавливаются довольно легко по вертикальным срезам и совершенно несомненно по горизонту.

вили под всеми открытыми костяками обязательное наличие „подсыпки“ в виде тонкого слоя угля и пепла, смешанных с землей, но совершенно отчетливо просматриваемой во всех случаях, благодаря интенсивной черноте угля или наличию чистого серого пепла¹. Благодаря установлению слоев, можно будет при последовательном их удалении установить хотя бы относительную датировку отдельных погребений, что особенно важно, поскольку, как правило, при погребениях инвентарь либо отсутствует, либо столь не характерен, что не позволяет установить время самого захоронения. В соответствии с изложенным, материал строго подразделялся на предметы из слоя, покрывавшего погребения (могильная засыпка), предметы, сопровождавшие погребения (там, где они имелись), предметы из слоя, подстилающего погребения (насыпь некрополя) и предметы из наскального слоя, подстилавшего насыпь некрополя.

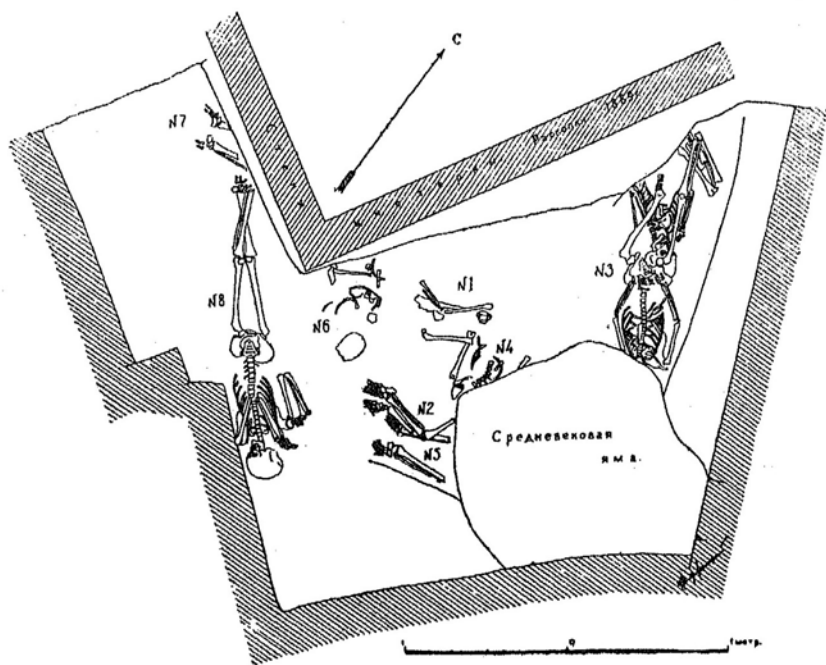

Рис. 5. План раскопа 1945 года.

Опыт работы 1945 г. полностью подтвердил уместность этой методики в условиях Херсонеса на культурных слоях не только некрополя, но и самого городища.

¹ Обращаю внимание еще на одно обстоятельство, облегчающее работы в Херсонесе. Интенсивность цвета слоев и прослоек и градации цвета в огромной степени зависят от влажности этих слоев. Вместе с тем влажные слои обладают гораздо большей силой сцепления отдельных частиц, что устраняет осыпание их, затрудняющее четкое установление границ слоев. Это наблюдение было подтверждено Л. А. Мацулевицем, который указал мне, что именно вследствие этих причин Археологическая комиссия не рекомендовала проводить раскопки в Херсонесе в жаркие и сухие летние месяцы.

Описание погребений

Погребение № 1. Высота погребения над скалой 0,18—0,23 м; найдено в культурном слое, на краю обрыва (см. план, рис. 5), почти целиком уничтожено при постройке рыбозасолочной цистерны а после завала стены последней—вследствие естественного разрушения обреза. Впервые было замечено в 1939 году. Сохранилась левая рука костяка. Костяк лежал, очевидно, в вытянутом положении. Ориентирован головой на СВВ. Положение ног неизвестно. Рука согнута в локте—с кистью, вероятно, на тазу. У плеча—небольшой канфаровидный кубок с двумя ручками, без лака (рис. 6). У локтя—створка большой устрицы. Под локтем половина челюсти дельфина. В засыпи—косточки камбалы, — „жучки“ и морская галька. Кости на подсыпке угля и золы.

Рис. 6. Красноглиняный канфар со светлой облицовкой жидкой глиной. Погребение № 1, III в. до н. э.

сточном углу раскопа. Сохранились только ноги немного выше колен. Среди многочисленных обломков различных сосудов из слоя непосредственно на костях погребения находились кости животных: кусок челюсти овцы или козы, коровий зуб, лопатка небольшого животного и кости камбалы на подошве могилы. Не исключена возможность, что перечисленные кости—остаток жертвенной пищи. Кости погребения на подсыпке угля и золы¹. Погребение находилось на одном уровне с № 1, при одинаковой с ним ориентировке. Лежало на культурном слое толщиной 0,20—0,25 м, над погребением № 5.

Между погребениями № 1 и № 2, ближе к первому, найдена берцовая детская кость.

Погребение № 3. Коллективное, парное (рис. 5 и 7). Было найдено при скале на тонком слое материковой глины со щебенкой толщиной до 0,05 м. Впервые обнаружено в 1939 году со стороны ног. Со стороны головы в обресе № 1 стенки позднесредневековой ямы. Установлен северо-восточный край могильной ямы. Противоположный край не обнаружен. В могиле лежали два костяка один на другом, головами на ЮВ с отклонением к югу. Верхний костяк—в вытянутом положении, на спине, руки в локтях были немного согнуты, кисти—на тазу. На плечевой кости левой руки обнаружена большая часть чернолакового килика (рис. 8), остальные

¹ Характеристика погребений № 1 и № 2 дана мною на основании собственных обмеров и находок, оставленных Н. В. Пяташевой, после расчистки погребений, а в дальнейшем—на основании полевого дневника.

фрагменты которого были найдены в различных местах могилы. Возможно, что к этим же погребениям относится и кремневый скребок, который явно окатан морем, и кремневый отщеп с очень острыми краями без всяких следов ретуши или какой-либо другой работы. Оба найдены в могильной засыпке, непосредственно над костями погребений. У костяка недостает черепа, уничтоженного позднесредневековой ямой, ступни правой ноги и от колена — левой, уничтоженных рыбозасолочной цистерной.

Нижний костяк лежал под ногами верхнего в скорченном положении. Череп находился непосредственно под тазом верхнего и под его тяжестью был немного повернут на правую сторону. Покойник был положен на спину. Руки сильно согнуты в локтях, кистями к лицу, ноги, сильно скорченные, под тяжестью ног верхнего костяка упали на правую сторону. У костяка недостает только ступней и таза, уничтоженного рыбозасолочной цистерной и естественным разрушением после обнажения, вследствие обвала стены этой цистерны.

Рис. 7. Коллективное погребение.

Оба костяка лежали на подсыпке угля и золы. Мелкие угольки постоянно встречались и при зачистке костей сверху них. В засыпке могилы — значительное количество морской гальки и камбальные косточки — „жучки“. Взаимное расположение костяков, обнаружение их в одной могиле и, самое главное, взаимоположение их костей не оставляют никакого сомнения в том, что оба покойника одновременно захоронены в общей могиле. Заслуживает внимания расположение костей. Кости верхнего туловища лежали на одной подошве с костями скорченного нижнего. Ноги верхнего — вытянутого — лежали непосредственно на костях скорченного, естественно, значительно ниже верха его черепа. Характерно, что правая бедренная кость верхнего лежала в наклонном положении, так как верхний ее конец (тазовый сустав) находился прямо на черепе, а нижний (коленный сустав) — на опавшей грудной клетке скорченного. Особенно наглядно размещение тазовых костей верхнего — вытянутого — костяка. Правая сторона таза (вместе с примыкающей к нему правой бедренной костью) лежала непосредственно на черепе, наверху. В то же время кобчиковая кость и левая часть таза с примыкающей к ней левой бедренной костью и фалангами кистей — внизу, на одном уровне с нижним

горизонтом черепа, на одной и той же подошве могилы. Эта одновременность захоронения обоих покойников отчетливо прослеживается и на плане. В то время как верхний вытянутый костяк—у таза и бедер выгнулся влево, нижний скорченный, лежащий тоже на спине,—имеет череп и шейные позвонки, отогнутые вправо. Указанное обстоятельство произошло под давлением земли, насыпанной сверху во время похорон и сдвинувшей обоих покойников в разные стороны, сохранив правильное расположение костей, связанных еще тканями тела. В противном случае, если отказаться от очевидности одновременного захоронения, нужно признать, что при захоронении верхнего не только точно раскопали могилу нижнего, но к тому же костяк последнего был расчищен по всем правилам археологической методики.

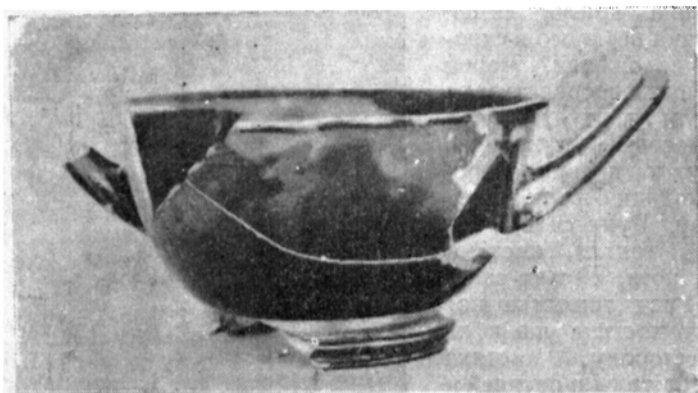

Рис. 8. Чернолаковый килик из погребения № 3. Конец IV, начало III в. до н. э.

Погребение № 4 (рис. 5). Плохой сохранности. Костяк ориентирован головой на юг. Положение скорченное на левом боку. Об этом можно судить по изогнутости позвоночного столба, расположению верхних позвонков на левой стороне, сохранившейся лицевой части черепа, отсутствию ребер с правой стороны позвоночного столба. У левого локтя—пятно рассыпанной красной краски. Здесь же—грубо сработанный кремневый скребок. Костяк лежал почти на скале, на подсыпке из древесного угля и пепла со значительным количеством морской гальки. Верхняя правая часть костяка и, почти целиком, череп были уничтожены позднесредневековой ямой, нижняя часть от грудной клетки—погребением № 1. Погребение находилось на одном уровне с № 3, в одном ряду и с одинаковой ориентировкой.

Погребение № 5 (рис. 5). Под погребением № 2, на скале. Сохранились ноги от колен. Остальной костяк уничтожен той же позднесредневековой ямой. Судя по положению ног, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Вдоль левой ноги удалось установить обрест могильной ямы. Костяк лежал на подсыпке угля и пепла. После удаления костей в подсыпке на скале среди обломков сосудов были

обнаружены одна медная монета плохой сохранности¹, раковина вида *Cypraea moneta*, с просверленным отверстием для напизывания.

Погребение № 6 (рис. 5). Очень плохой сохранности. Череп обнаружен Н. В. Пятышевой. Костяк лежал на насыпи в скорченном положении (?) на левом боку. Толщина насыпи под головой около 0,05 м, у обреза рыбозасолочной цистерны, вследствие понижения скалы—0,15—0,18 м. Нижняя часть костяка от таза уничтожена при устройстве цистерны. Сверху костяк был потревожен погребением № 1. Прах лежал на подсыпке из угля и пепла и морской мелкой гальке. Среди костей на подошве могилы обнаружены зубы, кусок челюсти и трубчатой кости овцы или козы (?), большой обломок трубчатой кости коровы (?), три птичьих косточки, 19 устричных створок, 2 камбалных косточки и клешня краба; под черепом—фрагмент горла гераклеийской амфоры с энглифическим клеймом (рис. 10, левый нижний), под позвонком—медная, сильно окислившаяся монета.¹ Погребение находилось в одном ряду и на одном горизонте с погребениями №№ 3 и 4, имело с ними одну и ту же ориентировку и, несомненно, относится к тому же времени, что и они.

Погребение № 7 (рис. 5). Почти целиком уничтожено при устройстве рыбозасолочной цистерны. Костяк лежал на тонком слое наскальной глины, толщиной 0,05—0,06 м, на спине, в вытянутом положении, на угольно-пепельной подсыпке, ориентирован головой на восток. Сохранились ступни ног и левой берцовой кости почти до колена.

Погребение № 8 (рис. 5). Прекрасной сохранности. Костяк лежал на тонком слое наскальной глины толщиной 0,03—0,04 м, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮВ. Череп на левой стороне, ноги вытянуты, но скрещены ниже колен. Обе руки сильно согнуты в локтях, кистями к лицу. Вероятно, раньше они находились на лице, а при раскопках оказались на правом плече. Покойник был высокого роста. Кости крупные. Кости черепной коробки толстые и массивные, швы еще не срослись. Зубы хорошие². Костяк лежал на угольно-пепельной подсыпке и морской гальке. На подошве могилы найдены медная монета херсонесского чекана IV—II вв. до н.э.³, грубый кремневый скребок на левой стороне таза, трехгранный бронзовый наконечник стрелы, кусок челюсти свиньи, 2 кусочка трубчатых костей свиньи или, может быть, овцы, 2 птичьих косточки, позвонок дельфина, 14 камбалных косточек—„жучков“. Погребение находилось в одном ряду, и на одном горизонте с №№ 3, 4, 6, имело одинаковую с ними ориентировку и, несомненно, датируется тем же временем.

Датировка погребений и насыпи некрополя

Наряду с попыткой выявить могильные ямы погребений некрополя на северном берегу Херсонеса было потрачено не меньше труда, чтобы установить его датировку. К сожалению, предшествующие работы оставляют желать многого в решении этого вопроса. Р.Х. Ле-

¹ При очистке в лаборатории ГИМ'а рассыпалась.

² Несмотря на хорошую сохранность костяка, кости его истлели так же, как и в остальных погребениях. Чтобы сохранить кости и в особенности черепа, необходимо дать им хорошо просохнуть и только после этого извлекать из могил.

³ Определение Ю. С. Крушкол, которой приносим свою благодарность как за определение этой монеты, так и за содействие в очистке монет реставр. лабораторией ГИМ'а. Бурачков № 33, таб. XIV, № 28.

пер, раскалывая в 1913 году участок некрополя около оранжереи и музея, датировал его не позже IV века¹. Г. Д. Белов датирует некрополь V или первой половины IV в.²

Изучая материал погребений, я пришел к выводу, что они могут быть датированы второй половиной IV века и даже началом III века. К сожалению, материал из насыпи некрополя во время раскопок 1936—37 гг. смешан с материалами города эллинистической эпохи, покрывшего этот некрополь. Материал из слоя, подстилавшего погребения, не выделен, и это не позволяет установить хотя бы дату, после которой совершались эти погребения, как правило, не имеющие никакого материала для датировки. В 1945 году было приложено много усилий для устранения этого недостатка. Выбирался весь материал из насыпи, покрывающей погребения, с подошвы могил и, наконец, из подстилающего слоя. В итоге получены следующие результаты в отношении датировки погребений и насыпи некрополя.

Материал из слоя некрополя, перекрывающего погребения

За исключением единичных предметов весь материал состоит из многочисленных обломков сосудов различного типа и назначения. Начнем с группы сосудов хозяйственного назначения и простой бытовой.

Амфоры (рис. 9/2 и 5), судя по глине, из которой они сделаны, распадаются на 4 группы по месту производства: гераклейскую, херсонесскую (?), фазосскую и синопскую. Наиболее многочисленна первая группа, представленная закраинами горла, обломками горл с ручками, стенками и донышками (рис. 9/5). Три обломка горл с английскими клеймами (рис. 10, правая группа). Одно из них датировано по эстампажу Л. А. Ельницким и И. Б. Зеест началом III в. до н. э. Закраины горл по профилю И. Б. Зеест определила, как ранние, после IV в.³ Полная аналогия профилям деталей этого типа амфор с ранее датированными и изданными определенно говорит за IV—III вв. до н. э.⁴

Херсонесская (?) группа представлена меньшим количеством обломков: Фрагмент горла с ручкой и характерная ножка ширококорпусной амфоры позволяют говорить определенно о типе IV—нач. III вв. до н. э.

Фазосская и синопская группы, представленные 2—3 фрагментами, позволяют все же по типу массивных ручек говорить об этом же времени.

Кувшины. Среди фрагментов обнаружено: 4 обломка донышек на кольцевой подставке. Глина красная. Лишь один фрагмент снаружи облицован жидкой глиной светлого, почти белого цвета. 4 фрагмента ручек, из которых две сверху имеют глубокое про-

¹ ОАК за 1913—1915 гг., Спб., 1918, стр. 60.

² Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1935 и 1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 194.

³ Приношу свою благодарность указанным товарищам за любезную помощь.

⁴ М. Ebert. Ausgrab. auf d. Gute Maritzyn. Präh. Zeit. 1913 г. стр. 27, рис. 28 (г) Б. Н. Граков—Английские клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор, Труды ГИМ, 1, М 1926, табл. 1, 1, 2 Ср. Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской и т. д., где указанная группа амфор вошла в комплексный материал II и III слоя городища, мастерски разработанного и датированного указанным автором второй половиной IV и III вв. Из истории Веспора, Известия ГАИМК, 104 М. Л. 1934, 133. См. также В. Ф. Гайдукевич и др. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА СССР, № 4, М. Л., 1941, стр. 124, рис. 20—два правые амфорные днища.

дольное углубление, расчленяющее их на две части. Одна из них покрыта светлой облицовкой и по внутренней части венчика горла орнаментирована полоской темносерого цвета. По типу обе ручки, очевидно, принадлежали кувшинам с ручками, приподнятыми над горлом сосуда¹. Третья ручка — плоская, толстая, с глубокой продольной

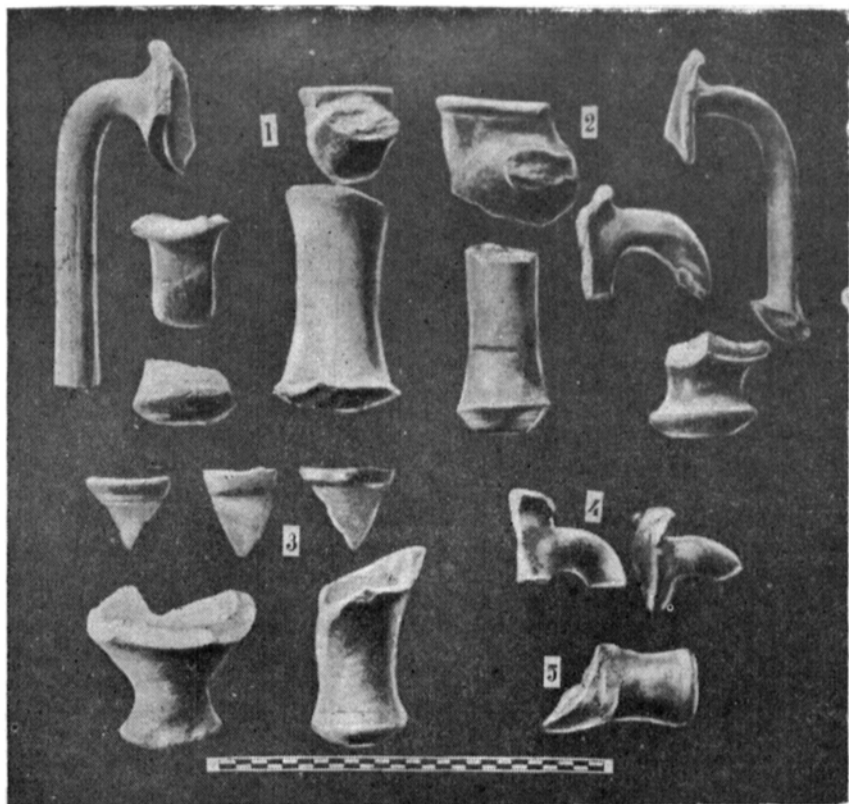

Рис. 9. Обломки амфор из насыпи некрополя IV, нач. III в. до н. э.

прорезью; четвертая — полуовальная, с белой облицовкой, с орнаментом в виде сегментов выпуклостью вверх, исполненных коричнево-бурой глазурью. Один фрагмент венчика с закраиной, отогнутой наружу, и следами прикрепления ручки к закраине. Наконец, три фрагмента стенок, орнаментированных параллельными полосками и два фрагмента стенок, покрытых снаружи облицованной не то глазурью, не то жидкой глиной более яркого цвета.

По типу деталей — закраины, ручки, днища — можно определенно датировать эти фрагменты не позже начала III в. и в основном, тем же IV — III вв.²

¹ Ср. с типом ручки кувшина из Ольвии, ИАК, 8 Спб. 1903, табл. V, 43.

² Ср. ниже в настоящем сборнике — «Камышевский клад античных моет», где мною прослежена эволюция формы кувшинов и их датировка.

Бальзамарии. Представлены двумя фрагментами. Один — небольшой обломок плеча со следами обычного орнамента — цветными полосками и второй — часть плеча с основанием горла. Резко выраженный профиль плеча в обоих и тщательность работы свидетельствует о типе бальзамария с широким пухлым корпусом. Это в свою

Рис. 10. Обломки горл гераклейских амфор с клеймами, IV, нач. III в. до н. э.

очередь позволяет смело говорить о более ранней форме, предшествовавшей позднеэллинистическим образцам¹. Аналогичные сосуды изданы Б. В. Фармаковским, с огульной датировкой которого мы не можем согласиться². Наши фрагменты относятся к бальзамариям раннеэллинистической эпохи и датируются не позже конца IV — нач. III в.

¹ Ср. нашу датировку целого бальзамария из некрополя в верховии Карантиной бухты, выше в сборнике „Раскопки в 1939 году и т. д.“.

² ИАК, 8, Спб. 1903, табл. V, 19—23 и 35, 36. Несомненно, что его датировка (II в. до н.э.) бесспорна только для сосуда табл. V, 36 и полностью согласуется со всем комплексом материала могилы. В отношении остальных сосудов вопрос датировки остался открытым. Обращаем внимание на бальзамарий, изображенный на таб. V, 35. Происходит из склепа № 85, датировка которого II в., судя по всему комплексу материала, вовсе не оправдывается (там же, стр. 89). Большие того, в этом же склепе найдены килики (стр. 89, стр. 39—40, рис. 35). По форме и технике они ни в коем случае не II века и датируются, самое позднее, началом

Лутерии. Единственный фрагмент закраины подобного сосуда не дает никаких признаков для датировки.

Чашки на кольцевых подставках, тонкостенные. Два фрагмента закраины с остатками ручек, горизонтальных, дугообразных, типа ручек у скифосиф и ранних киликов. Покрывается красной облицовкой, вероятно, глазурью. Два фрагмента донышек еще двух чашек со следами орнамента по центру дна, с внутренней стороны, в виде колец, выполненных жидкой глазурью черного цвета.

Как мы уже отметили, на основании формы первой чашки и, главным образом, ее ручек, решаемся говорить о IV, может быть даже III, однако отнюдь не II веке.

Чашечка на высокой ножке. Сохранилась значительная часть чашечки до пожки: тонкостенная, изящного профиля, тщательной выделки, край ее сверху полоской, а наружная поверхность целиком, покрыта коричнево-красной глазурью (?). Через равные промежутки, поверх глазури, белой краской нанесены поперечные полоски, сужающиеся на-нет к центру чашки. Не имея под руками необходимой литературы, не могу точно указать датировку, тем не менее полагаю, что наш фрагмент может быть датирован V—IV вв. и сближается по форме и орнаментации с архаическими типами.

Позволим себе сделать небольшое замечание о назначении чашечек этого типа. Т. Н. Книпович, не решаясь окончательно определить их назначение, высказалась против использования этих сосудов для приготовления или потребления пищи и предположила, что в них скорее всего растирались для чего-то краски¹. Целиком соглашаясь с первым ее положением, обращаем внимание на принципиальную идентичность формы этих чашек (в особенности таб. XXXV, 7) с формой жертвенника 9 см высоты, выточенного из известняка, найденного в Херсонесе в эллинистическом доме².

Одновременно, на выборку, нами было проверено место находки подобных чашечек в Херсонесе. Все проверенные нами сосуды входят в комплексы материала первых веков н. э. За исключением одного случая—все из некрополя. Так, например, в 1892 году в гробнице № 276 найдена одна чашечка³, в 1894 г.—в склепе № 452—четыре⁴, в 1910 г.—в могиле № 98⁵—три, пять в могиле № 106⁶, три—в склепе № 115⁷, в 1911 г. в могиле № 47—три⁸, в могиле № 17—одна⁹, в могиле № 31—четырнадцать¹⁰, в насыпи некрополя—двенадцать¹¹. На городище, так же как и в Ольвии¹², в 1909 году в наскальном

или первой половиной III в. Датировка Б. В. Фармаковского дана на основании аналогии с подобными же, из могил, в которых были найдены монеты II века. Правда, автор допускает, что эти килики старше остальных вещей могил (см. стр. 40, прим. 3). Однако, остальные вещи отнюдь не доказывают, что склеп № 85 можно датировать II веком.

¹ Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа „И“, Ольвия; т. I, Киев, 1940 г.; стр. 149, тип 32 а, б, табл. XXXV, 6, 7.

² Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1925—1936 гг., Симферополь 1938, стр. 205, рис. 52.

³ ОАК за 1892, Спб. 1894 г., стр. 117. Хранится в Гос. Эрмитаже—X. 1892. 69.

⁴ ОАК за 1894, Спб. 1896 г., стр. 65. Одна хранится там же—X. 1894. 14.

⁵ Архив ГХМ, дело № 103, полевой номер 1735.

⁶ Там же, полевой номер 1973.

⁷ Там же, полевой номер 2698, 2699, 2728.

⁸ Архив ГХМ, дело № 104, полевой номер—2871—3.

⁹ Там же, полевой номер 2928.

¹⁰ Там же, полевой номер 3239—3244.

¹¹ Там же, полевой номер 3276 и 3277.

¹² Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 149.

слое найдено несколько экземпляров, в одном комплексе с многочисленными светильниками и люстрами. Интересно, что над этим местом была построена христианская часовня. Совокупность этих признаков позволяет усматривать в этих чашечках культовые сосуды.

Тарелки. Фрагмент плоской тарелки, по форме закраины т.н. рыбного блюда. Сверху покрыт либо облицовкой красного цвета; либо глазурью, либо глиной (?).

Кухонные сосуды—горшки. Эта группа представлена сосудами с крышками (несколько закраин и ручек), тонкостенной миской без крышки и большим шаровидным горшком с широким низким горлом. Закраина и наружная поверхность последнего тщательно заглаженная, почти лощеная. К сожалению, эта весьма обильная группа сосудов в материалах из раскопок поселений до настоящего времени не изучена и в пределах эпохи до нашей эры еще не может быть датирована более конкретно.

Глазурованные сосуды:

1. Килики. Все довольно многочисленные обломки принадлежат киликам на низкой подставке, глубоким, с петлевидными ручками. Большинство, судя по качеству лака, профилю закраин и подставок, безусловно, принадлежит к первосортной посуде и при этом скорее всего привозного аттического и малоазийского характера. Штампованный орнамент на двух доньшках—в виде пальметок и ов, тщательность их выполнения позволяет совершенно определенно отнести эту группу ко времени не позже IV века, а единичные экземпляры даже к V веку. К последним относится одно дно, профилю подставки которого аналогичны килики, изданные Е. И. Леви¹ и по орнаменту Б. В. Фармаковским². К этому же времени, восходящему к V в., относятся три или четыре фрагмента закраин. Один из них—типа глубоких киликов с краснофигурной живописью и растительным орнаментом, исполненным белой краской по лаку на внутренней стороне. Для второй половины IV века характерны два фрагмента закраин глубоких киликов с петлевидными ручками, канфоровидной формы³. Об этом же времени свидетельствует и качество лака, на одном из них уже серого, графитового цвета. Ко второй половине IV—началу III вв. относится два доньшка со штампованным и врезным орнаментом⁴. К этому же времени, вероятно, принадлежат три фрагмента закраин, лак на которых уже тусклый и на одном—с красным пятном. В целом группа представлена минимум 14 различными сосудами.

2. Чаши. Представлены в обломках 4 сосудов. Из них один—фрагмент чаши с краем, загнутым немного в середину, по форме относится к типу сосудов, характерных для эпохи эллинизма, в особенности 2-й ее половины. Однако, несмотря на это, а также на упрощенный профиль подставок, именно незначительное количество этих фрагментов позволяет усматривать в них сосуды ранне-эллинистической эпохи, конца IV—нач. III в. Этому не противоречит и качество лака, хотя и худшего качества, однако не имеющего характерных признаков III—II вв.

¹ Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 114, табл. XV, 1.

² ИАК, 13, Спб, 1906, стр. 139—140, рис. 84—86.

³ ИАК, 40, Спб. 1911, стр. 68, рис. 6.

⁴ Ольвия, т. I. Киев, 1940, стр. 114—115, табл. XVI, 1, 4. Профиль подставки одного дна—табл. XVI, 2; XVII, 3.

Наряду с большими найдены фрагменты двух маленьких чашек, так называемых солонок. Одна—цилиндрической формы, обычно датируется V—IV вв.¹ и вторая, с расширяющимися кверху стенками, но без загиба в середину и утолщения у края, по качеству лака и, пожалуй, форме IV века.

3. Канфары. Представлены двумя фрагментами закраин с ручками. У одного закраина пустотелая, у второго, меньшего—такого же профиля, но массивная. Характер ручек, приземистые пропорции сосуда и профиль закраины свидетельствуют о ранней форме этих сосудов, датируемых второй половиной IV—началом III веков. Качество лака подтверждает эту датировку. Между прочим, меньший канфар по форме скорее всего относится ко второй половине IV века, лак уже с красноватым оттенком и красным пятном.

4. Рыбные блюда. Найденный фрагмент стенки по лаку хорошего качества, оливкового оттенка, может быть датирован IV веком.

5. Сосуд закрытого типа. Вероятно, нижняя часть небольшого кувшинчика, возможно аска, на низкой, тщательно профилированной подставке. Лак только с наружной стороны. Основание подставки (нижняя половина) оставлено в цвете глины. Лак черный, однако, уже с графитовым оттенком. Судя по профилю подставки, лаку и приземистой форме, сосуд относится к IV веку до н. э.

6. Горшочек одноручный. Фрагмент горла с венчиком, ручкой и плечом от горшочка с широким горлом и реберчатым приземистым корпусом. Венчик отогнут наружу. Ручка двойная. Лак черный с оливковым оттенком, переходящим в красноватый. Совершенно аналогичный целый сосуд найден Шкорпиллом в Керчи в 1902 г. в могиле № 21. По всему комплексу материала могилы, не говоря уже о форме горшочка, он датируется IV веком².

7. Сосуды с глазурью красно-бурого, коричневого тона. Фрагмент закраины чашки с вертикальным бортом и второй, загнутый в середину, фрагмент дна чашки на низкой кольцевой подставке, два фрагмента горла и закраины кувшина со следами ручки, прикрепленной к краю венчика, в одной с ним плоскости. По типу и по характеру лака сосуды, несомненно, относятся уже к эллинистической эпохе, что не исключает их принадлежности к рубежу IV—III вв. или началу III века.

8. Сосуды серой глины с черной глазурью. Эта группа довольно многочисленна. Представлены фрагменты кувшинов: доньшки (все три на кольцевой подставке); три закраины горл, на одном из которых сохранились следы ручки, прикрепленной прямо к краю; три фрагмента ручек, из которых верхний конец одной (сохранившейся) тоже прикреплен к краю венчика; фрагмент закраины килика на низкой подставке с горизонтальной ручкой. По типу, несомненно, принадлежит V—IV вв. Чашки разных типов: два фрагмента, принадлежавших, вероятно, грубым киликам, один—чашке с краем, загнутым в середину, и один—стенке с закраиной от глубокой чашки больших размеров. Из рыбных блюд найдено несколько фрагментов закраин и многочисленные мелкие обломки без харак-

¹ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики и т. д. Известия ГАИМК, в. 104, М.—Л., 1934, стр. 143, рис. 36, 7. Тут же ссылка на целый ряд аналогий IV в.

² ИАК, в. 9, Сиб. 1904, стр. 78, 177, рис. 63.

терных признаков хотя бы типов сосудов. Глазурь черная, графитового тона и тусклая. Работа, как правило, грубая, небрежная. Вся группа, несомненно, относится к наилучшему сорту глазурованной посуды и поэтому навряд ли импортировалась в Херсонес. Я думаю, что это целиком продукция местного, херсонесского производства. При датировке этой группы низкосортных сосудов необходимо придерживаться не столько деталей, сколько основных признаков формы. Исходя из этого, на основании формы горл, прикрепленных ручек и кольцевых подставок днищ кувшинов, а также формы киликов, я отношу и эту группу по времени к IV в. и не позже раннего эллинизма.

Краснофигурные и чернофигурные сосуды. Первая группа представлена четырьмя сосудами: тремя кратерами и одним киликом. Первый кратер—фрагмент стенки нижней части корпуса с поясом меандра, выполненным очень небрежно и схематично. Лак оливкового тона—внутри совершенно красный. Второй—фрагмент стенки верхней части корпуса у места прикрепления ручки. Основание ее было заключено в ободок с небрежно выполненными овами. Справа от нее—часть мужской фигуры в плаще, вправо. Складки плаща даны схематично жидким лаком красного цвета. По сюжету кратер принадлежит к группе *Mantelfiguren*. Лак оливкового тона, на внутренней поверхности—хорошего густого тона. Наконец, третий фрагмент—часть закраины. Снаружи сохранились остатки лаврового орнамента. Профиль закраины нечеткий, орнамент выполнен небрежно, далеко не первосортным лаком. Все три кратера датируются не раньше IV в. и скорее всего его второй половины.

Килик представлен фрагментом закраины с верхней частью стенки. От изображения сохранилась верхняя часть головы мужской (?) фигуры влево. Даже столь незначительно сохранившееся изображение, свидетельствует о небрежной, беглой работе. С внутренней стороны по краю сохранился растительный орнамент, выполненный накладной, белой краской. Аналогичный килик датирован Т. Н. Книпович V веком¹. Несмотря на незначительное изображение, мы бы не решились датировать его старше IV в., тем более, что этот тип глубоких росписных киликов широко встречается на протяжении всего IV в.²

Чернофигурные сосуды представлены фрагментом стенки лекифарибала. Последний был опоясан по тулову веткой плюща, причем веточки были начертаны в виде тонких линий, а листья—кистью, жидким лаком с расплывчатым очертанием.

Сосуды, исполненные без гончарного круга, т. н. ленная керамика. Представлены большим количеством обломков. Характерные признаки: все 5 обломков днищ больших и малых сосудов—плоские, от горшков (рис. 11, 3, верхний). К этому же типу горшков с отогнутым наружу венчиком относятся все обломки закраин. Фрагментов со следами лощения значительно меньше, чем фрагментов без лощения. Цвет наружной поверхности серый, большей частью бурый и красноватый. Несомненный интерес представляют три фрагмента стенок горшков с врезным орнаментом, уводящим к

¹ Опыт характеристики и т. д. Известия ГАИМК, в. 104, М-Л, 1934, стр. 126, 138, стр. 128 рис. 30. 2. Точнее, Т. Н. Книпович говорит „еще V в.“

² Ср. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. III.

находкам в каменных ящиках горного Крыма и стоянкам Кизил-кобинского типа¹ (рис. 11, 2).

Прочие предметы. Помимо многочисленных обломков керамики, найдены 3 фрагмента терракотовых статуэток. К сожалению,

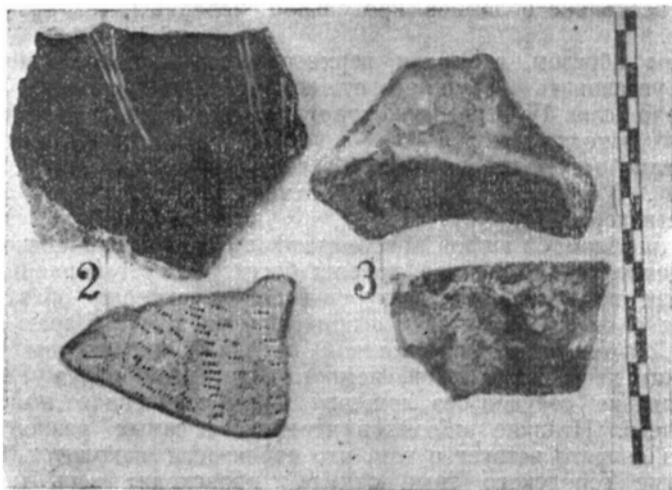

Рис. 11. Обломки лепных сосудов. Насыпь некрополя.

2 из них столь неясны, что не позволяют определить сюжет изображения. Третий фрагмент—часть лица головки (рис. 12, правый). Лоб и левая сторона ее отбиты. На лице—следы белого ангобирования,

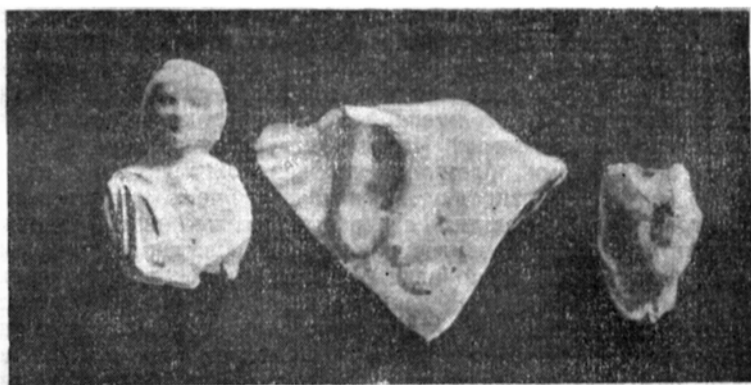

Рис. 12. Обломки терракоты из насыпи некрополя. IV в. до н. э.

на губах—красной краски. Мягкая моделировка черт лица, тяжело-весность подбородка, мягкая улыбка, тронувшая губы, и целый ряд

¹ Совершенно аналогичные по орнаментам и технике обломки представлены в Крымском областном краеведческом музее, в отделе Кизил-кобинской культуры.

других стилистических признаков не позволяют датировать эту статуэтку позже середины IV века. При этом отнюдь не отрицается возможность датировать ее V веком. Вернее, конечно, не ее, а оригинал, с которого была снята форма этой статуэтки.

Кроме терракоты, найдены один фрагмент желобчатого калиптера и несколько обломков кровельной черепицы, так называемых соленов.

Таким образом, материал верхнего слоя некрополя позволяет точно установить время его существования и характер. По времени—это слой IV века, из которого наиболее ранние, единичные предметы заходят в конец V в., а наиболее поздние—к началу III в. Характерно отсутствие предметов и сосудов эллинистической эпохи III—II вв. В частности, интересно отметить целый ряд наблюдений в области керамики.

Среди обломков амфор преобладают амфоры гераклейского происхождения. Для кувшинов, во всех бесспорно установленных случаях, как простых, так и глазурованных характерно обязательное наличие кольцевой подставки и прикрепление ручек к краю венчика горла. Для так называемой лепной керамики характерны горшки с плоским дном и закраиной, немного отогнутой наружу, а также преобладание сосудов без лощения и посредственное выполнение последнего. Наличие обломков черепицы и самых разнообразных сосудов свидетельствует о том, что поблизости находится большое поселение городского типа, откуда и происходит весь материал.

Материал из насыпи могил, непосредственно над костями погребений, и с подошвы могил

Погребение № 2. Обломки трех амфор: днище амфоры херсонесского производства (?) по форме не старше IV в., а скорее середины этого века; 2 фрагмента венчиков амфор гераклейского происхождения; 2 фрагмента стенок кувшинов, один орнаментирован горизонтальными полосками; фрагмент закраины горшка типа кухонных сосудов с крышками, закраина над выступом для крышки высокая, отогнута наружу и с внешней стороны профилирована, что не обычно для этого типа сосудов эллинистической эпохи; фрагменты стенки чашечки с утолщенной закраиной, покрытой глазурью (?) красновато-коричневого тона. Черная глазурованная керамика представлена несколькими обломками киликов. Лак во всех случаях хорошего качества. Датировку, несмотря на очень малые размеры фрагментов, дает обломок дна на профилированной низкой подставке со следами орнамента на внутренней стороне. Полная аналогия ему—ольвийский килик первой половины IV в из коллекции Романченко¹. Второй фрагмент дна с уцелевшим орнаментальным ободком штампованных ов, выполненных небрежно в расстановке, но еще удлиненных пропорций и четких по рисунку, позволяет говорить о IV веке. Наконец, фрагмент закраины характерного профиля с растительным орнаментом белой краской по внутренней стороне датируется V—IV вв. К этому же времени относится и фрагмент реберчатого сосуда (канфара?). Профиль канелюров, качество густого черного лака без всяких оттенков позволяют приблизить его тоже к V веку. Несколько

¹ ИАК, в. 42, СПб. 1911, стр. 140, рис. 1—4. Близкую аналогию представляет килик, отсюда же, изданный Е. И. Левин (Ольвия т. 1, Киев, 1940, табл. XV, 1—2) и датируемый ею V в.

обломков сероглиняной глазурованной посуды и два фрагмента стенок „лепных“ сосудов (один лощеный) не вносят ничего нового в типологию сосудов и еще меньше пригодны для датировки.

Тем интереснее обломок терракотовой женской статуэтки (рис. 12, левый), от которой сохранилась верхняя часть фигуры. К сожалению, левое плечо, грудь и руки отбиты, лицо сильно затерто. Спина и затылок выполнены очень небрежно, грубо сглажены стилем по сырой глине. Прекрасно сохранились складки одежды на правой стороне груди. Черты лица, постановка головы и спокойно переданные складки одежды, несомненно, свидетельствуют о времени не позже IV века. При этом стилистическое выполнение складок скорее уводит к самому началу IV—концу V вв.

Материал с подошвы могилы погребения такой же, как по типу сосудов, так и по хронологии. Черной глазурованной посуды здесь найдено два фрагмента. Первый фрагмент закраина килика по форме относится к IV—III вв, однако, по качеству лака с наружной стороны вернее всего датировать ее концом IV века. Фрагмент дна второго сосуда хронологически тоже не выходит за пределы IV в. Остальные обломки вообще не позволяют говорить о каких-либо узких хронологических рамках и распределяются следующим образом: фрагмент закраины амфоры, 2 фрагмента стенок сероглиняных кувшинов, один из которых с серой глазурью, фрагмент дна на кольцевой подставке очень небольшого кувшина или флакона, снаружи покрытого красной глазурью (?) или глиной и, наконец, три фрагмента стенок лепных горшков.

Погребение № 3. Характер засыпи тот же, что и у предыдущего. Материал распределяется на две неравномерные группы: первая группа—вещи, связанные с погребением: килик и два кремневых орудия, вторая—многочисленные обломки различных сосудов, черепицы и штукатурки. Весь материал состоит из отдельных обломков, не составляющих цельных сосудов или предметов.

Первая группа. Килик на низкой профилированной кольцевой подставке с глубоким корпусом, тонкими стенками и краем, отогнутым слегка наружу (рис. 8). Ручки петлевидные, приподняты над краем килика. Внутри, на дне—орнамент в виде кружка из двойного ряда насечек, внутри которого небрежно отштампованы четыре пальметки крупного размера накрест. Килик полностью покрыт глазурью коричнево-черного цвета с многочисленными крупными пятнами красного цвета. Форма сосуда, тип ручек, техника и качество орнамента и глазури свидетельствуют о времени не старше конца IV века. Полную аналогию нашему сосуду дает килик из женского погребения¹ Р у хутора Марицына, которое датируется Эбертом IV—III в.¹

Вторая группа. 11 обломков амфор, из которых два дна, три ручки и закраина гераклейских амфор IV—III вв.² (рис. 9/3). Днище Синопской амфоры с короткой пожкой и широким туловом—того же времени³, (рис. 9 3). 2 фрагмента закраин и ручка, вероятно херсонесского производства и фрагмент ручки и закраины либо хиосского, либо самосского. 6 фрагментов кувшинов: закраина со следами прикрепления ручки к венчику кувшина, ручка с местом прикрепления

¹ М. Ebert, ук. работа, стр. 29, рис. 32, ¹ Pa.

² Там же, стр. 38, рис. 41, стр. 41, рис. 43, ⁴ Sp, ³ Bc и др.

³ Там же, стр. 27, рис. 28, ¹ Nc; стр. 41, рис. 43, ⁴ Sp. При этом, погреб. ¹ N хотя и датируется Эбертом IV в., однако, целый ряд предметов из него датируется им же IV—III в. Ср. погребение у дер. Петуховки: ³ X, ² V, ⁴ S.

к весичику, дно на кольцевой подставке и три фрагмента плечевой части кувшинов с орнаментом в полосу, краской. Чашки представлены 4 фрагментами. Из них один, с толстыми стенками с горизонтальной дуговидной ручкой, внутри покрытый глазурью (?) красного цвета, по глине и технике исполнения, вероятно, самосского происхождения. По форме и технике не моложе IV в. Вторая, тонкостенная с вертикальным бортом и чуть-чуть оттянутым наружу краем, покрыта внутри и снаружи глазурью скорее желтого, чем красного цвета с коричневыми пятнами. Как по форме, так и по качеству лака она старше III в., если не относится к бракованному или низкоортному экземпляру сосудов IV в.

Черная глазурованная посуда представлена тремя фрагментами киликов: фрагментом ручки—несомненно, краснофигурного килика V—IV вв. Фрагментом стенки килика с закраиной. Тонкие стенки, прекрасно выполненная закраина сосуда, хороший лак густого черного тона и качество глины свидетельствуют об аттическом происхождении сосуда эпохи V—первой половины IV вв. Наконец, фрагментом петлевидной ручки килика IV—III вв.

К группе сероглиняных сосудов с серой же глазурью относится фрагмент закраины кувшина, фрагмент т. н. рыбного блюда и фрагмент чашечки—„солонки“. По форме только последняя может быть хронологически определена и сближается уже с эллинистическим типом этих сосудов. Лепные сосуды представлены 2 обломками стенок, ручкой, 2 обломками вертикальных закраин горшков, слегка отогнутых наружу, и, наконец, фрагментом стенки чаши с закраиной. Чашка—плоскодонная, с расширяющимися кверху низкими бортами. Закраина—плоская, горизонтальная, внутренний ее край немного оттянут внутрь. Поверхность внутри и снаружи, если не лощеная, то тщательно заглаженная. Помимо обломков различных сосудов, найден большой фрагмент солена с вертикальным бортом и небольшим обломком стеной штукатурки, окрашенной в желтый цвет.

Погребение № 4. Материал с подошвы могилы очень интересен для характеристики погребального обряда и этнической принадлежности покойника, но ничего не дал для датировки¹.

Погребение № 5. Как указывалось выше, погребение перекрыто более поздним погребением № 2. Вследствие этого материал из слоя между погребениями тщательно выбран для определения датировки того и другого. Амфоры представлены фрагментами стенок, из которых два фрагмента гераклеийской амфоры, один—синопской, два—хиосской или самосской и один фрагмент амфоры хиосского производства, датируемый Н. П. Кивокурцовым 330 г.² Из обломков кувшинов интересно отметить фрагмент дна на кольцевой подставке. Черная глазурованная посуда насчитывает два обломка. Из них один сероглиняный—закраина килика по профилю IV—III вв. однако в связи со специфичностью этой категории сосудов не представляется возможным уточнить его датировку. Второй обломок—придонная часть стенки килика или чашки—по качеству лака не может быть датирован старше второй половины IV в. „Лепные“ сосуды представлены 2 фрагментами стенок, закраиной и плоским дном горшка.

¹ См. описание погребения, стр. 76.

² Р. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса, ВДИ, I. М.—Л., 1947 г стр. 174.

Материал из слоя непосредственно над костями погребения дал два обломка амфор, повидимому, гераклейского производства, фрагмент плеча кувшина, орнаментированного полосками красной и белой краски, фрагмент центральной части крышки кухонного горшка, Черная глазурованная посуда представлена фрагментами закраины килика с дугообразными горизонтальными ручками IV века, небольшим обломком дна килика (?) на высокой кольцевой подставке того же времени. Носик или сосок детского рожка, покрытого коричнево-бурой глазурью заставляет думать о второй половине IV в., если не о III веке. Кроме того, тут же было найдено дно светильника открытого типа на кольцевой подставке со втулкой в центре для насаживания на вертикальный стержень. Внутри, вокруг втулки — кружок, нанесенный глазурью коричневого цвета. О. Ф. Вальдгауэр датирует этот тип в пределах от VI до III в.¹

Погребение № 6. В подошве могилы погребения найдено несколько обломков различных сосудов. Среди них — фрагмент горла гераклейской амфоры с энглифическим клеймом IV—III вв. (рис. 10, внизу, левый), фрагмент дна чаши на кольцевой подставке, внутри которой на дне — широкая круговая полоска, сделанная красной краской; 4 фрагмента лепных сосудов, среди которых 2 закраины двух горшков, немного отогнутые наружу. Глазурованная посуда представлена одним фрагментом закраины килика, плечевой частью кувшина коринфской глины и одним фрагментом дна чаши на кольцевой подставке, серой глины, глазурь — черная с красным пятном. Даже это небольшое количество фрагментов позволяет говорить о дате не ниже рубежа IV—III вв.

Погребение № 7, почти полностью разрушенное, дало только 2 фрагмента амфоры фазосского (?) производства: дно с расширением на конце и фрагмент закраины горла с широким раструбом, с далеко отогнутым наружу краем. По форме дно и венчик датируются IV веком².

Погребение № 8. В засыпи могилы погребения, под костями, найдены многочисленные предметы и их обломки. Амфоры представлены: гераклейские (2 фрагмента горла с ручками), фазосские (дно² и фрагмент горла) и синопская — фрагмент днища (рис. 9/1). Среди нескольких обломков кувшинов имеются: дно на кольцевой подставке, фрагменты стенок, украшенных в полоску и растительным орнаментом, и 2 фрагмента закраины, покрытые красно-бурой глазурью. Фрагменты четырех чашек на кольцевых подставках, орнаментированных полосками по дну и краям. Кухонная посуда представлена двумя фрагментами закраин. Лепные сосуды, сделанные без употребления гончарного станка, представлены фрагментами стенок двух лощеных горшков. Один из них — с черной блестящей поверхностью. Найдено значительное количество черной глазурованной посуды: обломки киликов, фрагмент венчика пелики, фрагмент дна скифоса и другие мелкие, нехарактерные. Профиль дна скифоса и венчика пелики, штампованные пальметы на дне первого не оставляют сомнения в отношении их датировки IV в. до н. э. Сероглиняной, покрытой плохой черной глазурью посуды найдено три фраг-

¹ О. Вальдгауэр. Античные глиняные светильники, СПб, 1914, стр. 5, таб. 11 № 24.

² В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Левин, Е. Д. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия, МИА СССР, вып. 4, М—Л, 1941, стр. 123, рис. 20, второе днище слева.

мента: край т. п. рыбного блюда, край чашки и край горла кувшина у места прикрепления ручки. Характерен обломок канфаровидного кубка, внутри покрытого жидкой глазурью коричневого цвета и снаружи орнаментированного полосками этой же глазури. Этого же типа сосуды и их обломки неоднократно встречались в Херсонесе в предыдущие годы и могут быть датированы V—IV вв. Три красно-фигурных обломка принадлежат разным сосудам. Два из них с изображением пальметы, повидимому, принадлежат арибалам. Третий—фрагмент стенки кратера у места прикрепления ручки с остатками изображения жещской (?) фигуры (правое плечо и часть прически). Как стиль пальметок, так и характер складок одежды фигуры кратера не позволяют датировать их старше IV в. Здесь же найдены 2 обломка светильников открытого типа, трехгранный бронзовый наконечник стрелы и медная монета херсонесского чекана IV—II вв. Таким образом, вся совокупность материала совершенно определенно датируется IV в., может быть, с небольшим расширением, как в сторону V, так и в сторону III в.

Наконец, хронологическая характеристика некрольного слоя может быть дополнена данными материала, найденного под погребениями. Материал представлен сравнительно небольшим количеством обломков керамики одного времени и свидетельствует о том, что некрополь этого района возник после образования культурного напластования спустя некоторое время после основания Херсонеса. Конкретно, под погребением № 3 найдены: фрагмент дна кувшина на высокой кольцевой подставке и 3 фрагмента стенок его же, покрытые снаружи жидкой коричнево-бурой глазурью с красным пятном, 2 фрагмента профилированных кольцевых подставок двух киликов. Характер профиля, качество черной глазури и техника выполнения, несомненно, свидетельствуют о времени не позже IV в. Здесь же найден обломок придонной части краснофигурного килика. Интересно, что два других обломка дна этого же сосуда найдены в засыпи могильной ямы погребения № 6, на расстоянии 1,5 м от погребения № 3. Все три фрагмента складываются в один обломок дна с частью стенок килика аттического производства. Кольцевая подставка сосуда отбита. Черная глазурь на внутренней стороне прекрасного черного тона, снаружи при выполнении краснофигурной живописи получила оливковый оттенок. Сохранилась часть пальметы с орнаментальными разводами слева. Дно ее снизу украшено двумя попарно расположенными концентрическими кругами. В каждой паре наружный круг очерчен широкой полоской, а внутренний—тонкой линией, обрамляющей первый. Внутри дно килика украшено штампованным орнаментом. Круг, заполненный примыкающими друг к другу овами, в центре, вокруг маленького кружка, накрест расположены пальметы, соединенные врезными линиями с центральным кружком. Стиль штампованных пальметок и ов, краснофигурного рисунка, орнаментация дна снизу и качество лака позволяют датировать сосуд V—IV вв., однако небрежное выполнение ов, пальметок, сдвинутых с диаметральных осей, и характер врезных линий скорее всего свидетельствуют уже о начале IV в.¹

Сохранившийся паскальный слой к СВ от погребения № 3 дал фрагмент закраины гераклейской амфоры, фрагмент закраины горла

¹ Ольвия, т. I. Киев, 1940, табл. XVI, 1 и табл. XVII, 1, сравнить технику выполнения штампованного орнамента.

кувшина того же самого, что над погребением, и фрагмент дна чашки на кольцевой подставке, орнаментированной двумя концентрическими кругами глазурью (?) красного цвета. В целом весь материал не может быть датирован позже IV века.

В слое под погребением № 4 не найдено вещей с определенными хронологическими признаками. Здесь обнаружены: фрагмент дна кувшина на кольцевой подставке, 2 фрагмента закраин двух других, покрытых коричнево-бурой глазурью, и фрагмент дна плоскодонного лепного горшка.

Под погребением № 5, в тонком наскальном слое, который местами являлся одновременно непосредственной подошвой—подсыпкой этого погребения, найдены: 2 фрагмента доньшек кувшинов на кольцевых подставках, фрагмент профилированной закраины чашечки на высокой ножке, покрытой глазурью красного цвета¹, четыре фрагмента закраин киликов, один сероглиняный, фрагмент придонной части килика со штампованным орнаментом на внутренней стороне. Дно украшено тремя концентрическими окружностями. Площадь внешней окружности до средней была заполнена тесно расположенными кружками, иногда находящими друг на друга, площадь средней окружности—дужками выпуклостью от центра, а внутренний центральный круг был целиком заполнен косою сеткой. Наружный профиль стенки, украшенной двумя рельефными линиями, характер орнамента, качество черной глазури и глина свидетельствуют об аттическом производстве первой половины IV в. Здесь же найден фрагмент нижней части краснофигурного сосуда закрытого типа на плоском дне. К сожалению, от изображения сохранилась столь незначительная часть, что судить о стиле невозможно. Профиль дна и качество глазури свидетельствуют о IV в. до н. э. Среди пяти обломков лепных сосудов—один фрагмент плоского дна и 2 фрагмента закраин горшков, немного отогнутых наружу. Очень интересна находка ракушки „каури“ (*Surgaea moneta*) с просверленным отверстием для нанизывания. Подобные привозные ракушки нечерноморского происхождения² очень часто встречались при раскопках таврских каменных ящиков³. Учитывая очень незначительную толщину наскального слоя, выше отмеченную, можно полагать, что эта ракушка, повидимому, принадлежит погребению № 5. В целом весь материал опять свидетельствует о поре не позже IV—середины IV в. до н. э. В слое под погребением № 6 найдено: фрагмент закраины сероглиняного кувшина, покрытого серой глазурью, фрагмент закраины килика по профилю и качеству черной глазури второй половины IV в., фрагмент дна килика или чашки на кольцевой подставке. Небрежное выполнение профилировки подставки, отсутствие орнамента с нижней стороны дна и штампованных украшений на внутренней, а также характер черной глазури свидетельствуют о второй половине IV в. до н. э. Фрагмент небольшой чашечки, так называемой солонки, с выпуклыми стенками и загнутым в середину краем, просто выполненной небольшой кольцевой подставкой и глазурью серого цвета датируется IV—III вв. Здесь же найден обломок венчика лепного горшка, орнаментированного по наружному краю глубокими

¹ См. стр. 81—82 настоящего сборника.

² За определение ракушки приношу благодарность научному сотруднику Севастопольской биологической станции Академии наук СССР Г. Н. Миронову.

³ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, в. 30. СПб. 1909, стр. 127 и сл.

косыми насечками (рис. 11/3, внизу). В целом материал не выходит за пределы второй половины IV, рубежа IV—III вв. и хронологически совпадает с материалом с подошвы этого погребения, разобранным выше.

Под погребением № 7, как уже было указано выше, сохранившимся очень плохо, найдены фрагмент закраины гераклейской амфоры и днище второй, неопределенного производственного центра, по типу IV—III вв.

Наскальный слой под последним погребением—№ 8, кроме 3 фрагментов стенок кувшинов и фрагмента ручки килика дал фрагмент дна тарелки или блюда на массивной, гладкой кольцевой подставке. Тарелка была покрыта глазурью черного цвета хорошего качества. С внутренней стороны центральная часть дна вследствие недожига имела красный цвет. Кольцевая подставка с внутренней стороны по этой же причине имела такой же цвет. Снизу дно орнаментировано кружком. У облома—остатки графити—буква дельта. По профилю, орнаментации нижней стороны дна и качеству лака фрагмент датируется IV, второй половиной IV в. Здесь же найден небольшой фрагмент стенки краснофигурного сосуда закрытого типа (арибала?) с изображением птицы (голубя?), выполненной накладной белой краской с пририсовкой деталей оперения желтой. По стилю росписи фрагмент может быть датирован IV веком.

Наскальный слой к ЮЗ от этого погребения представлен 3 фрагментами гераклейских амфор, из них два с ручками (рис. 9,4) и третий (рис. 10, верхний левый) с энглифическим клеймом; 2 фрагментами стенок кувшина с орнаментом в полоску, выполненным глазурью коричнево-бурого цвета, фрагмент дна чашки на кольцевой подставке с орнаментальным кольцом по центру по внутренней стороне, исполненным красной глазурью (?), и фрагмент закраины, вероятно, этой же чаши. Среди обломков черной глазурованной посуды обнаружены: дуговидная, горизонтальная ручка килика, закраина небольшой чашечки, придонная часть килика с остатками штампованного орнамента в виде ов и, наконец, фрагмент дна скифоса (?) крупных размеров. Второй обломок этого же дна, составляющий с первым одно целое, найден в засыпи могилы этого же погребения № 8. По дну вокруг несохранившейся центральной части размещен ряд пальметок, парно соединенных врезными линиями. Характер орнаментации и профиля обломков, а также качество глазури датирует их IV веком. Здесь же был найден обломок нижней части краснофигурного арибала без остатков росписи на сохранившихся стенках, в центре дна которого просверлено круглое отверстие.

Таким образом выявилась определенная хронологическая картина.

Верхний слой некрополя многочисленными находками датируется IV в. с преобладанием второй его половины и начала III в. Единичные экземпляры конца V и первой половиной IV в.—результат выброса из нижнего слоя при выкапывании могильных ям.

Засыпь могил сохраняет, примерно, тот же характер, с преобладанием более поздних находок, вплоть до начала III века в №№ 3,6 и 8 и более ранних—IV вв. №№ 2, 5 и 7. Это почти совпадает с последовательностью погребений в перечисленных могилах. Наконец, наскальный слой некрополя, подстилающий погребения, дал наиболее ранний материал, если и не V в., то во всяком случае первой половины IV в. Исключение представляет только материал под погребением № 6, который свидетельствует, что в конце IV—начале

III в., возможно, при приготовлении могилы для этого погребения наскальный слой погребения был нарушен.

Относительная и отчасти абсолютная датировка исследованных погребений представляется в следующем виде:

Наиболее позднее погребение № 1, которое датируется канфаровидным кубком III в., перекрывает и частично разрушает нижележащие погребения, датируемые второй половиной IV, рубежом IV—III вв.

Одновременное первое погребение № 2, расположенное с ним в одном ряду, с одинаковой ориентировкой и на одном уровне, также перекрывает нижележащее, которое не может быть датировано раньше середины IV в.

Ко второму, более раннему периоду, относятся погребения №№ 3, 4, 5, 6 и 8. Все они расположены на одном уровне, почти на самой скале. При этом погребения №№ 3, 4, 6 и 8 находятся в одном ряду и одинаково ориентированы головами в одну сторону. Кроме этого, при погребении № 3 найден килик конца IV или рубежа IV—III вв., а в погребении № 6 под черепом—фрагмент горла гераклейской амфоры с клеймом IV—III вв., фрагменты чернолаковой посуды рубежа IV—III вв. и монета, очевидно, херсонесского чекана, который вообще не заходит дальше середины IV века. В погребении № 8, наряду с обломками чернолаковых сосудов IV и конца IV в., найдена еще одна монета херсонесского чекана, суммарно датированная IV—II вв., хотя она не может быть моложе начала III века и старше середины IV в. Погребение № 5 не находится в одном ряду с выше разобранными и ориентировано головой в другую сторону (на восток), но наряду с двумя общими признаками, указанными выше, на основании монеты и обломков керамики в засыпи могилы также не может быть датировано раньше середины IV в.

Погребение № 7, почти целиком уничтоженное при сооружении рыбозасолочной цистерны первых веков II, э., не может быть датировано и отнесено к той или иной группе.

Остановлюсь на итогах и предварительных выводах, вытекающих из раскопок 1945 года:

1. Уточнена датировка некрополя на северном берегу Херсонеса. Начало существования его—не раньше середины IV века и конец—в начале III в.

2. Установлены два периода использования этого участка некрополя: первый—во второй половине и конце IV века, а второй—на рубеже IV—III, начале III в.

3. Зафиксирован, если не ошибаюсь, впервые случай коллективного захоронения (погребение № 3), в свете которого получает совершенно иное освещение целый ряд погребений из раскопок предшествующих лет.

4. Для всех погребений установлено наличие угольно-зольной подсыпки на подошве могилы. Кроме того, наличие морской гальки в погребениях №№ 1, 3, 4, 6 и 8, отсутствие ее в погребениях №№ 2, 5 и 7, от которых сохранились только ноги костяков, позволяет предположить, что галька насыпалась во все могилы, но, возможно, только под корпус покойника.

5. Зафиксированы два примера сосуществования различных видов трупоположения и переходных его форм. Так, в погребении № 3 верхний костяк лежал в вытянутом положении, а нижний—в ногах верхнего, в скорченном, что исключает возможность причисления первого, на основании его вытянутого положения к греческому

населению города. В погребении № 8 мы наблюдаем переход скорченного положения к вытянутому. Костяк полностью вытянут. Однако, древние таврские пережитки сохранины в накрест сложенных ногах и руках, закрывавших лицо покойника. Оба примера вместе с остальными погребениями и погребениями из раскопок 1936—1938 гг. свидетельствуют о развитии погребального обряда тавров—жителей Херсонеса.

6. В результате работ 1945 года можно считать установленным, что этот район некрополя принадлежал аборигенам Крыма—таврам, гражданам Херсонеса. Из восьми погребений пять свидетельствуют о таврском происхождении покойников по скорченному или полускорченному положению костяков (№№ 2, 3, 4, 6, 8). Помимо того, в погребении № 3 найден кремневый скребок и кремневый отщеп, в погребении № 4—кремневый скребок и красная краска, в погребении № 8—кремневый скребок. Грубые формы кремневых орудий совершенно не характерны для жителей цивилизованного города той эпохи. Эти ритуальные предметы, очевидно, не играли никакой роли в практической жизни, что находит полную аналогию хотя бы в погребениях эпохи бронзы Северного Кавказа¹. К сожалению, все находки сделаны, как правило, у костей левых рук, поэтому в погребениях, от которых сохранились только ноги, труднее ориентироваться, если они не скорчены. Тем не менее, при погребении № 5 в вытянутом положении найдена раковина (*Surgrea moneta*), характерная для погребений в каменных ящиках горного Крыма. Для погребений родового строя и эпохи бронзы весьма характерно наличие костей жертвенных животных, которые позволяют установить характер и виды разводимого скота. Естественно, что у прибрежных тавров, знаменитых мореходов и пиратов, рыболовство играло первостепенное значение в их экономике и не уступало скотоводству. Это нашло полное отражение в исследованных погребениях. В погребении № 1—раковина устрицы, челюсть дельфина, панцирные косточки камбалы, так называемые „жучки“; в погребении № 2—кости овцы и коровы и кости камбалы; в погребении № 3—раковины устрицы и мидии и камбальные „жучки“; в погребении № 6—кости овцы, коровы, птицы и 19 устричных створок, 2 камбальных „жучка“ и клешня краба; в погребении № 8—кости свиньи, овцы, птицы, 14 камбальных „жучков“ и позвонок дельфина. Таким образом, все погребения, не говоря уже об общей основе погребального обряда—угольно-зольной подсыпке и морской гальке на подошве могил, одним или несколькими признаками подтверждают вывод о принадлежности их таврскому населению города и в целом находят яркие аналогии в погребениях каменных ящиков горного Крыма.

7. Полученные результаты помогают осветить политическое положение тавров в Херсонесе. Они имели обширное кладбище между стеной города и северным берегом. Ассимиляция таврского и греческого населения еще незначительна, и они имеют обособленные некрополи². Таврский некрополь Херсонеса правильно распла-

¹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, — Могильник в г. Нальчике. Описание погребений. МИА СССР № 7, М.—Л, 1941, стр 70—94.

² Г. Д. Белов только на основании труположения подразделял погребения раскопок 1936 г. на соседнем участке на две группы: скорченные—тавры и вытянутые—греки, и весь некрополь считал „по преимуществу греческим“. (Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крым, 1938 г., стр. 195 и 314). Раскопки 1945 г. заставляют полностью отказаться от этих выводов.

пирован, могилы расположены длинными систематическими рядами, свидетельствующими о постоянном наблюдении за порядком на некрополе. Указанные признаки исключают предположение о зависимом, а тем более рабском, положении таврского населения в городе. Наряду с этим наличие коллективного захоронения (погребение № 3), в свете которого целый ряд погребений из раскопок 1936 года тоже войдут в эту же группу, позволяет предположить, что один из погребенных оказался в могиле в силу культовых обрядов и верований. Это свидетельствует о том, что тавры могли выполнять свой религиозный древний обряд в „греческом“ городе, будучи не только свободными, как думает Г. Д. Белов¹, но и равноправными гражданами Херсонеса. Мало вероятно, чтобы греки, в противном случае, допустили существование этого обряда на территории своего города.

Задача дальнейших раскопок—на опыте раскопок 1945 года со всей научной тщательностью продолжить исследование этого важнейшего исторического памятника Херсонеса, подкрепить полученные выводы массовым материалом и окончательно опровергнуть устаревшие буржуазные установки о „чисто греческой“ культуре Херсонеса.

¹ Г. Д. Белов.— Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крым, 1938 г., стр. 195.